

Вторникъ, 26 апрѣля (9 мая) 1905 г. — № 137

СЛОВО

Московский художественный театръ.

„Слѣпыя“ и „Тамъ внутри“—Метерлинка и „Миниатюры“—Чехова.

Стволы деревьевъ, скалы, шумящее море и на берегу группа слѣпыхъ, перекидывающихся между собой отрывочными фразами. Что это? Пьеса?—Но тутъ нѣтъ движенія, нѣтъ фабулы. Философскій трактатъ въ формѣ діалога, какъ писалъ Платонъ. Опять нѣтъ! Словомъ, определенной этикетки не найдешь къ этому странному произведенію бельгійскаго писателя. А между тѣмъ, оно захватываетъ васъ, увлекаетъ своимъ символомъ, своей мощью. Задача, казалось бы, совершенно невозможная: изобразить все человѣчество, которое лишилось вѣры, лишилось проводника и мечется въ слѣпомъ безсиліи. Страхъ передъ будущимъ, никакого движенія впередъ, полное отчаяніе... Разумъ молчитъ, говорятъ инстинкты, но и они приводятъ все къ той же вѣрѣ, которая тихо умерла. Одинъ только ребенокъ видитъ жизнь, но даже и ему она кажется странной и онъ въ ужасѣ плачетъ. И смерть неслышно приближается... Холодъ растетъ, надвигается грозный морской валъ, который смоесть все... Мрачнымъ пессимизмомъ вѣетъ отъ этой пьесы, которую мы видѣли вчера. Ни проблеска, ни свѣтлаго луча, ни мимолетной надежды. Все погибло: вѣра умерла, а вмѣстѣ съ нею должно погибнуть и человѣчество. А пока оно безсильно, оно слабо и ничтожно еще потому, что вокругъ него вѣчнымъ дозоромъ ходитъ зло, и шутя разрушаетъ то мимолетное, то призрачное счастье, которое оно себѣ создаетъ. Человѣкъ жалокъ, потому что онъ страшно одинокъ. Ни семья, ни привязанности ничто не можетъ заставить раскрыться его душу, которая замкнута въ себѣ и тихо умираетъ... Зло царитъ въ мірѣ, оно кольцомъ охватываетъ домъ каждаго изъ насъ и ни войти, ни выйти изъ него нельзя, забывъ одного изъ звеньевъ этой цѣпи. Это кандалы человѣчества, въ которыхъ оно сначала билось, потомъ поникло головой и сдалось въ полномъ своемъ безсиліи. Повторяю, что Метерлинка не указываетъ выхода изъ этого положенія, на темномъ небѣ нѣтъ разсвѣта, солнце не взойдетъ никогда больше. Упрекаютъ постоянно Чехова, что онъ своимъ пресловутымъ настроеніемъ пресекаетъ всякую энергію, останавливаетъ всякій порывъ... Но Чеховъ идеалистъ. Онъ рисуетъ себѣ будущее, когда жизнь настанетъ чудная и красивая. О ней мечтаетъ измученный дядя Ваня, о ней говоритъ полковникъ Вершининъ для котораго она уже началась въ несбыточныхъ грезахъ.

— Мы отдохнемъ, дядя Ваня,—звучитъ послѣдній аккордъ, а здѣсь у Метерлинка нѣтъ ничего, ни проблеска улыбки, ни грезы, ни мечты... Человѣчество умираетъ, оно ослѣпло, у него нѣтъ проводника, оно не видитъ солнца, Станиславскій одѣлалъ смѣлую попытку поставить пьесу бельгійскаго нотариуса на сцену и нельзя не поблагодарить его за этотъ подвигъ. Нельзя рассчитывать на шумный успѣхъ, потому что до сихъ поръ у насъ театръ—это развлеченіе, а если онъ является трибуной, то ради только политическаго или общественнаго, а отнюдь не философскаго характера. Станиславскій умѣлъ облечь въ реальные образы мистическія видѣнія Метерлинка, онъ умѣлъ придать имъ поэтическую окраску и вдохнуть красоту. Тамъ гдѣ черное покрывало пессимизма драпировало все живое, эффектное...

Группы слѣпыхъ, сидящихъ сначала неподвижно подобно скаламъ, затѣмъ мѣняются, становятся пластичны и послѣдняя картина, когда все затихаетъ въ ожиданіи смерти положительно кажется полотною картины большого художника. Говоря о постановкѣ, не могу не упомянуть о морскомъ приборѣ, который переданъ поразительно вѣрно. Вы слышите, какъ валы бьютъ о скалы и разбиваются на тысячи гнѣвющихся ручейковъ, отбѣгающихъ съ недовольнымъ журчаніемъ назадъ. Исполненіе первой пьесы не вызываетъ упрековъ. Голоса звучатъ тоскливо и монотонно, паузы не утомляютъ, а радостное настроеніе при появленіи собаки прямо трогательно. Во второй пьесѣ очень красива правая сторона сцены: стѣна, залитая луннымъ свѣтомъ, деревья, мерцающія звѣзды... Срепетовано идеально и если только можно въ чемъ упрекнуть—это въ нѣкоторой торопливости конца.

московскій художественный театръ оговорить Чехова настолько, что онъ пытается воскресить его, но попытки эти едва-ли можно назвать удачными. Прежде всего это не Чеховъ, а Чехонте, милый рассказчикъ, остроумный, наблюдательный и тонкій юмористъ. Очевидно, что ставить Чехонте рядомъ съ Метерлинкомъ, довольно опасно... для перваго, конечно. Тамъ съ удивительной легкостью выдвигаются вѣчные вопросы, тамъ афоризмы и глубокія мысли, здѣсь все мелкое, пошловатое и пустое. Наша-ли жъ знѣ такова или, вѣрнѣе, была таковой, или все это мимолетное, ничтожное... Но теперь, когда, стоя на распутиѣ двухъ дорогъ, мы силимся перевернуть страницу исторіи и стараемся рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ жизни, что намъ дѣлать, слѣдователь и непонимающій его мужикъ? Мы смѣемся, потому что это дѣйствительно забавно, когда рвутъ зубъ или унтеръ наводитъ порядки, но смѣхъ этотъ смолкаетъ, когда вы вспомните, что часъ тому назадъ на этой же сценѣ металось все человѣчество, охваченное страхомъ смерти. Относительно исполненія миниатюръ можно сказать, что оно неудачно. Изъ него ничего не сдѣлать. И несмотря на всѣ старанія, не получается впечатлѣнія и занавѣсъ запахиивается, оставляя впечатлѣніе недоумѣнія. Слѣдователь Вишневскій говорилъ какимъ-то фатоватымъ тономъ, чего-то кричалъ, прыгалъ по сценѣ и совершенно не производилъ впечатлѣнія провинціальнаго слѣдователя, который долженъ искать истину и примирять букву закона съ жизнью, не признающей подчасъ никакой логики. Слабоватъ былъ и унтеръ Лужскій. Нѣкоторыя фразы пропали, другія были слишкомъ уже подчеркнуты и типа не получилось. Лучше другихъ былъ Москвинъ дѣлать, но и онъ слегка шаржировалъ. Цикль спектаклей москвичей оконченъ. Критика отнеслась къ нимъ довольно сурово, но она была во многомъ права. Распадается-ли дѣло Станиславскаго или оно переходитъ на новую дорогу, рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ странно работать и класть свои силы на то, что положительно этого не стоитъ. Блаудный сынъ Найденова Иванъ Миновичъ Чириковъ, миниатюры Чехонте—все это не гвозди сезона, на нихъ не построишь высокой башни. Станиславскій пошелъ навстрѣчу молодымъ писателямъ, какъ строитель Солнечесъ онъ прежде боялся молодости ихъ и, какъ строитель Солнечесъ, упалъ вмѣстѣ съ ними. Не думаю, чтобы онъ расшибся смертельно. Силъ осталось еще много, сердце бьется, правда порывисто и неровно, но оно не остановилось. Постановка пьесы Метерлинка тому яркое доказательство. Лучше обратиться къ забытымъ пьескамъ или къ зарубежнымъ произведеніямъ, чѣмъ работать надъ трупами, которыхъ гальваническій токъ приводитъ въ движеніе, но не

воскрешаетъ. Говоря москвичамъ, до свиданія, мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ будущемъ году они явились къ намъ съ сильнымъ репертуаромъ, чтобы они не метались, подобно слѣпымъ, потому что вѣра въ лучшіе дни искусства не умерла, она бессмертна и сильна. Съ Богомъ впередъ!..

А. О—въ.

